

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

UDC 316.45

LBC 60.54

**INFLUENCE OF THE PANDEMIC ON CHANGE OF EVERYDAY PRACTICES
OF VOLGOGRAD RESIDENTS: GENDER DIFFERENCES
(BASED ON THE RESULTS OF APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Nadezhda V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Eugeniya V. Anufrieva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The coronavirus pandemic (COVID-19), which swept the whole, at the very beginning of its spread (early 2020) created an almost experimental situation in which “border practices” were fully revealed, demonstrating the attitude of the population to issues of morality and law. The COVID-19 pandemic that swept the whole world is viewed by us as a factor provoking human behavior. The article presents the results of an applied sociological study of changes in the daily practices of Volgograd residents. The results of a sociological study conducted among the residents of Volgograd are presented. Information gathering method – focus group discussion. The main technical parameters of the study are indicated. The formulated conclusions make it possible not only to record the change in the habitual practices of townspeople, but also to present the socio-economic situation as a whole. Similarities and differences in the behavior of men и women are indicated. So women are more inclined to demonstrate behavior, which can be described as “everything doubtful is prohibited”, while men are inclined to a different model – “much controversial is acceptable”. Citizens assess the pandemic as a non-standard, undetermined situation, contradictory and inconsistent decisions are made in this case. citizens describe the situation of the pandemic in a negative aspect: distrust of the authorities through the refusal to view the news, violation of personal space, difficulties of interaction and communication in a confined space of the home, fighting their own fears, spending on the purchase of medical devices, antiviral drugs, paying for the Internet. Passive survival models are common, these models are aimed at saving money, more rational spending of the family budget. Active models are not involved due to the lack of jobs in the city. The most unexpected conclusion was that the biggest fear that haunts the city dwellers are the fear of lack of money, which even supplants the fear of contracting the COVID-19.

Key words: morality, right, law, city dwellers, gender, pandemic, COVID-19, daily practices.

Citation. Dulina N.V., Anufrieva E.V. Influence of the Pandemic on Change of Everyday Practices of Volgograd Residents: Gender Differences (Based on the Results of Applied Sociological Research). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 95-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

УДК 316.45

ББК 60.54

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК
ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДА: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
(ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Надежда Васильевна Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгения Владимировна Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пандемия коронавируса (COVID-19), охватившая весь мир, в самом начале своего распространения (январь – февраль 2020 г.) создала практически экспериментальную ситуацию, в которой достаточно полно раскрылись «пограничные практики», демонстрирующие отношение населения к вопросам морали и права. Эпидемия COVID-19 рассматривается нами как фактор, влияющий на поведение людей. В статье представлены результаты прикладного социологического исследования изменения повседневных практик жителей Волгограда. Метод сбора информации – фокус-групповые дискуссии. Обозначены основные технические параметры выполненного исследования. Сформулированные выводы позволяют не только зафиксировать изменение привычных практик горожан, но и представить социально-экономическую ситуацию в целом. Обозначены сходства и различия в поведении мужчин и женщин. Так, женщины более склонны к демонстрации поведения, которое можно обозначить как «все сомнительное запрещено», тогда как мужчины склонны к иной модели – «многое спорное приемлемо». Явление пандемии оценивается горожанами как нестандартная, неопределенная, в которой принимаются противоречивые непоследовательные решения. Ситуацию пандемии горожане описывают в негативном ключе: недоверие к власти через отказ просмотра новостей, нарушение личного пространства, трудности взаимодействия и общения в замкнутом пространстве жилища, борьба с собственными страхами, траты на приобретение медицинских приборов, противовирусных препаратов, оплату Интернета. Распространены пассивные модели выживания, нацеленные на экономию денежных средств, более рациональное расходование семейного бюджета. Активные модели не задействованы в силу отсутствия рабочих мест в городе. Неожиданным для авторов оказалось, что самый большой страх, преследующий горожан, – это безденежье, которое даже вытесняет боязнь заразиться коронавирусом.

Ключевые слова: мораль, право, горожане, гендер, пандемия, COVID-19, повседневные практики.

Цитирование. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда: гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 95–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

Введение

В современном мире, очень сложном и одновременно хрупком, чрезвычайно важную роль в регулировании отношений между людьми, отдельными социальными группами играют право и мораль. В рамках данной статьи мы не будем анализировать теоретические аспекты данных понятий – это сделано до нас специалистами, принадлежащими соответствующим научным областям [Баранникова 2008; Васильев 2001; Кирилина web; Коноплева, Калягин web; Макарова web; Кутафин (ред.) 2000; Сорокотягин, Маслеев 2016; Шрейдер 1994; Явич 2010]. Мы лишь напомним, что основная функция права и морали заключается в целенаправленном воздействии на поведение людей, обеспечивающем баланс интересов отдельных индивидов, социальных групп или общества в целом. Принято считать, что право является системой обязательных для всех формально определенных социальных норм (правил поведения), выражающих государственную волю, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений [Право web]. По сути, «право» – это

государственный регулятор общественных отношений. Термином «мораль» определяется совокупность неписанных условных (конвенциональных) принципов и норм поведения по отношению к себе, другим людям, социальным группам и обществу в целом [Мораль web]. В наиболее общем виде мораль представляет собой комплекс (систему) исторически определенных норм, взглядов, принципов, оценок, убеждений. Она выражается в поступках людей, регулирует их действия с позиций добра и зла, честного и бесчестного, справедливого и несправедливого, поощряемого и порицаемого, благородства, совести, порядочности и других аналогичных нравственных критериев.

В целом мораль и право как формы общественного сознания имеют ряд общих черт и различий. Так, например, если мораль оперирует такими понятиями как «добро» и «справедливость», то право – комплементарными категориями «соответствие норме» и «законность» (и прочими подобными). В пределе, в некотором «идеальном обществе» (или в примитивных обществах, для которых характерно архаичное право) нормы морали и права могут / должны полностью совпадать. В ре-

ально существующих развитых обществах такого полного совпадения норм морали и права, очевидно, не наблюдается.

Могут быть выделены три класса «опривыченных действий» (для обозначения подобных форм поведения в социологии используется термин «социальные практики» или просто «практики» [Сафонова 2009, Шугальский web]. Эти три класса социальных практик по-разному воспринимаются основной частью конкретного общества (содержательное наполнение этих классов различно в различных обществах). Выделяются:

1. Практики, которые являются «законными» (соответствуют правовым нормам) и воспринимаются основной частью общества как «моральные» (соответствуют представлениям о добре и справедливости). К этому классу относится основная часть обыденных повседневных действий.

2. Практики, которые являются «незаконными» и при этом воспринимаются обществом как «аморальные». Так, например, можно предположить, что к этой категории относятся насильственные преступления против личности, совершенные по корыстным мотивам.

3. Практики, для которых соотношение между «законностью» и «моральностью» неоднозначно и предполагает возможное противоречие:

а) практики, которые, несмотря на то, что они не противоречат закону, воспринимаются / могут восприниматься значительной частью общества как «аморальные» (например, аборт или супружеская измена);

б) практики, которые, несмотря на то, что они противоречат закону, воспринимаются / могут восприниматься значительной частью общества как приемлемые (например, уклонение от уплаты налогов или от службы в армии).

Наибольший интерес, с точки зрения социологии, при анализе соотношения норм морали и права в повседневной жизни общества, а также анализа влияния различных факторов (демографических, социальных, психологических) на особенности восприятия людьми приемлемых и неприемлемых действий представляют практики, относящиеся к третьему классу, обозначаемые как «пограничные практики».

Закономерности восприятия «пограничных практик» могут рассматриваться как маркеры – индикаторы, дифференцирующие людей как минимум с нескольких точек зрения:

а) с точки зрения толерантности / категоричности в оценках («многое спорное приемлемо» / «все сомнительное запрещено»);

б) с точки зрения единства отражения морали и права в индивидуальном сознании («разрешенное законом морально» / «запрещенное законом аморально»);

в) с точки зрения близости восприятия «пограничных практик» конкретным индивиду к закономерностям, демонстрируемым различными демографическими и социальными группами, а также «населением» (объектом исследования) в целом.

В рамках данной статьи мы хотели бы проанализировать восприятие приемлемости / неприемлемости «пограничных практик» взрослыми жителями Волгограда, делая акцент на гендерных различиях в этом восприятии.

Пандемия коронавируса (COVID-19), охватившая весь мир, в самом начале своего распространения (январь – февраль 2020 г.) создала экспериментальную ситуацию, в одночасье изменив функционирование практически каждого социального института, отдельного человека, общества в целом. Люди оказались в ситуации, когда случай становится судьбой [Эпштейн web]. Такая ситуация хорошо проиллюстрирована еще А.П. Чеховым в 1892 г., когда тот в качестве врача работал в условиях эпидемии холеры. Он писал: «Положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять. ...При единичных заболеваниях я буду силен, а если эпидемия разовьется хотя бы до пяти заболеваний в день, то я буду только раздражаться, утомляться и чувствовать себя виноватым» [Распопова web]. Весной 2020 г. виноватыми себя почувствовали врачи, причем «виноватыми» настолько, что психологи сочли необходимым вмешаться в ситуацию [Дистанционное... web; Магомед-Эминов web; Экспертный совет... web], оценивая возможности стрессоустойчивости человека [Албакова, Погорова 2020].

Социум постепенно приходил к осознанию того, что «существование человека в условиях глобальной угрозы COVID-19 ради-

кально меняет отношения человека и общества. В условиях пандемии социальные практики раскрыли конкретного человека в новом отношении к обществу, поставив общественную жизнь «на паузу» в целях сохранения жизни индивидуального человека» [Асмолов и др. web]. Понятно, что такая ситуация повлекла за собой изменение повседневных практик, многие из которых можно было бы классифицировать как пограничные, обнажая отношение населения к вопросам морали и права. В этой экстремальной ситуации, заданной пандемией, есть, условно говоря, «временный закон» – рекомендации Роспотребнадзора (забегая вперед, скажем, что и респонденты для себя обозначили эти меры именно как закон), которые необходимо соблюдать, и мораль, осуждающая или оправдывающая поступки.

Пандемия как экспериментальная ситуация, в которой максимально полно раскрываются пограничные практики, делает необходимым уточнение условия экспериментирования, что может быть реализовано только «на основании этического компаса из трех ценностей – справедливости, равного уважения достоинства человека и помощи в уменьшении страданий» [Брызгалова web]. Следовательно, необходимо изучение сложившейся ситуации. Уже более года поисками ответов на вопросы, связанными со стремительно меняющимся миром (например, каким будет общество, пройдя многомесячные карантины и самоизоляции; какой статус приобретут образование, наука и культура в этом новом мире и т. д.), заняты представители самых разных научных дисциплин: от медиков до геополитиков [Анпилов, Сорочайкин 2020; Волков, Курбатов 2020; Гафиятулина, Касьянов, Самыгин 2020; Громько 2020; Дудин, Лясников 2020; Касьянов, Гафиятулина, Самыгин 2020; Нязова 2020; Островский, Иванова 2020; Современное общество 2020]. В ряде работ, представляющих результаты эмпирических исследований, в первую очередь следует упомянуть «Социологию пандемии. Проект коронаФОМ» [Социология пандемии 2021], в которой авторы, помимо описания самого проекта и его основных результатов, фиксируют социологические изменения и сдвиги, вызванные пандемией и мерами борьбы с ней, дают ссылки на сайт, облако проекта и основные публикации, подготовленные на его эмпирических данных.

Методы

В части теоретического исследования использованы общенаучные методы (анализ, абстрагирование, сравнение и т. д.). В части эмпирического исследования для «диагностики» состояния жителей Волгограда в ситуации, связанной с распространением коронавируса, нами в апреле 2020 г., когда пандемия воспринималась еще как «забег» на короткую дистанцию, были проведены фокус-группы с волгоградцами, которые проходили в онлайн-режиме. Заметим, что в своих поисках оценки состояния жителей Волгограда мы не одиноки [Дулина 2021; Касьянов, Гафиятулина, Самыгин 2020; Эпштейн web], это лишнее свидетельствует о важности изучаемого объекта. При формировании фокус-групп были выбраны два основания: возраст и статус занятости (прежнее место, удаленное место работы и уволенные). Мы исходили из предположения, что:

а) условия карантина сохранятся актуальными довольно длительное время, они весьма необычны для большинства населения, и, очевидно, потребуют адаптации к ним, что будет вызывать существенную дифференциацию между социальными группами. Следовательно, можно предположить различия между возрастом и статусом занятости в секторах экономики;

б) реакция на столь необычные внешние условия, которые созданы пандемией, вероятно, слабо зависит от территории проживания респондента, но наиболее отчетливо будет проявляться в крупных городах, где статус занятости во многом определяет поведенческие практики респондента [Раскина web].

Подобные основания для формирования состава фокус-групп как минимум не противоречат, а в основных тенденциях совпадают как с критериями отбора респондентов / информантов, так и с результатами проведенных другими отечественными исследователями социологических исследований [Режим самоизоляции 2020; Социология пандемии 2021].

Дизайн фокус-групп выглядел следующим образом (см. таблицу). Весной 2020 г., когда в стране еще не хватало масок и перчаток, рекомендованных Роспотребнадзором к

обязательному ношению, а по улицам патрулировали наряды полицейских, предположить, что спустя некоторое время среди населения страны образуется социальная группа, которая останется в выигрыше после ситуации с пандемией, было бы верхом фантастики. Поэтому среди участников фокус-групп нет представителей тех, кто мог бы (даже гипотетически) оказаться в выигрышной позиции по отношению к другим социальным группам. Максимально положительным результатом мы предполагали возможность сохранения статуса занятости и дохода, что и подтверждается мнениями респондентов, которые мы приведем ниже.

Подбор участников в соответствии с указанными критериями, с нашей точки зрения, позволил реализовать цель и задачи прикладного исследования, которые сводились к следующему: 1) описать восприятие горожанами ситуации, вызванной необходимостью самоизоляции в связи с распространением коронавируса; 2) проследить изменение доходов, структуры расходов, модификацию способов заработка; 3) оценить период, в течение которого люди смогут поддерживать привычный образ жизни; 4) выявить изменения в возможности удовлетворять потребности как и личные, так и всей семьи; 5) обозначить задачи, которые требуют приложения значительных усилий, и т. д.

Однако, принимая во внимание ограниченные рамки статьи и невозможность представить все результаты, полученные в ходе исследования, обратим внимание на выводы, которые позволяют оценить сходства и раз-

личия в восприятии мужчинами и женщинами сложной ситуации, вызванной пандемией, их нацеленность на соблюдение морали и права.

Обозначения, принятые в тексте и относящиеся к представлению мнений респондентов, следует читать следующим образом: I, ж., 42 – женщина 42 лет из первой группы; II, м., 27 – мужчина 27 лет из второй группы.

Заметим, что отдельные результаты выполненного исследования уже представлены широкому кругу читателей [Дулина, Ануфриева 2021; Дулина 2021].

Основные результаты

Ситуация, вызванная необходимостью самоизоляции в связи с распространением коронавируса, заметно повлияла на повседневные практики горожан. Ответы респондентов на вопрос, как изменился их образ жизни из-за ограничений, введенных в связи с пандемией, убеждают, что горожане оказались в экспериментальной ситуации: «Я вообще это воспринимаю как эксперимент: сколько терпения хватит у людей находиться под таким давлением. Потому что я не поверю, что у всех все хорошо дома: никто не ругается и т. д. Я думаю, все равно будут конфликты даже внутри семьи, поэтому... для меня это – эксперимент» (II, м., 27)».

Респонденты указывали на то, что вынуждены были искать альтернативы повседневным практикам и занятиям. В большинстве случаев ситуация оценивалась горожанами как нестандартная и неопределенная. Участники не могли объяснить ее себе сами,

Дизайн фокус-групп

Целевая аудитория	Группы			
	Первая (I)		Вторая (II)	
	Возраст (количество лет)			
	41–55		25–40	
	Количество участников, пол			
	м	ж	м	ж
Люди, перешедшие из-за карантина на удаленную работу (продолжают работать из дома)	1	1	1	1
Люди, продолжающие работать в обычном режиме (в нашем случае – врач, воспитатель реабилитационного центра для несовершеннолетних, служащий банка и др.), и те, кто был занят на этой работе еще до карантина (не меняли род деятельности во время карантина, например использование технологий хоум-офисов)	1	1	1	1
Люди, пострадавшие от карантина (потерявшие работу или с существенным сокращением дохода, потеряли 50–70 % дохода)	1	1	1	1

исходя только из логики здравого смысла, но не находили ответа и в решениях, принимаемых властными структурами: «Некомфортно, непривычно... Или как правильно сформулировать? Ничего позитивного не вижу» (I, м., 43); «...Много негатива» (II, м., 27); «...Есть и негатив по текущей ситуации: то, что по телевизору говорят одно, а смотришь в окно и там совсем все по-другому» (II, м., 28); «...Паникой это не назовешь. Я думаю, что вокруг происходит просто неразбериха» (II, м., 37); «Ситуация как бы нестандартная, я никогда с таким не сталкивался. Поэтому оценить правомерность мероприятий каких-то мне трудно. ...Кто же хочет в такой ситуации работать? Долго человек не сможет так» (I, м., 42); «Я чувствую себя в некоей растерянности. У меня нет четкой картины. Потому что те меры, которые предпринимаются, они мне кажутся нелогичными. Где-то гайки закручивают, а где-то возникает большой риск заражения. Сократили общественный транспорт. Зато по утрам он теперь ходит битком набитый. Действительно ли это такой вирус опасный, который требует таких мер. Что именно мне плохо – пока понятно, поэтому я чувствую некую такую растерянность» (I, ж., 42).

Нелогичность, по мнению респондентов, принимаемых властными структурами мер, порождает недоверие: «...у меня возникает некое недоверие. Возможно, не только из-за коронавируса это все велось. И может что-то под ним кроется другое совсем» (I, ж., 42); «Для меня ситуация, которая складывается в стране с первых дней, стала подозрительной. Поэтому я стала искать информацию в Интернете. Мои подозрения подтвердились. Так как обычно наше правительство ничего не делает просто так. И коронавирусом прикрыли какие-то изменения. Что будет, что произойдет в стране, это мы узнаем позже... Люди достойны знать правду, но, к сожалению, нам ее не дают» (I, ж., 45); «Меня раздражают многие законы, которые сейчас принимают по карантину, так называемому. Я, честно, не понимаю, зачем было некоторые рабочие отрасли открывать. Когда можно было либо закрывать уже всех и оставить только полицию, медицину и так далее, либо открываться уже всем. Поэтому мне эти полумеры непонятны. Возмущение лично моих родителей, которые

пользуются общественным транспортом, и сейчас они просто не могут влезть в автобус с утра. То есть, все эти вещи для меня, они непонятны» (II, м., 27).

Интересно обратить внимание, что большую категоричность проявили женщины при оценке ситуации, обнаружив в ней признаки социальной несправедливости: «...вроде бы даже с мужем мы больше времени проводим, потому что он у меня абсолютно сейчас пока не работает, это как-то завидно или обидно – он сидит дома и получает зарплату. А я вынуждена все равно где-то рисковать, в голове думки какие-то свои стараешься отгонять, разгонять, но иногда что-нибудь побеждает, какая-нибудь гадкая мысль. [Зависть] такая маленькая. Тоже, наверное, хотелось бы поспать спокойно, никуда не идти» (II, ж., 31); «У меня внутри много-много злости. Потому что как я работала, так и работаю. Нам даже по времени рабочий день не сократили. То есть, благо у меня есть машина. Слава Богу, я езжу на машине. В эту давку с утра в автобусы я не попадаю. Это, конечно, страсть, что у нас было с 21-м автобусом, который на работу ехал. Тут вообще ужасно. И то, что у нас на работе – я в банке работаю – у нас все дезинфицируют, тоже средства есть. Но смотрите: я сижу в кабинете. Ко мне в кабинет приехали те, которые были в этом автобусе, в этой давке. Я была в своей машине, смысл? Смысл мне чего-то бояться? Сейчас он заразился, то есть мы все сидим в одном кабинете. И что из того, что у нас там продезинфицировали? Это ужасно... Мне тоже хочется отдыхать, чтобы мне платили за это деньги, за то, что я сижу дома. ...Педагоги: воспитатели, учителя – они сидят дома, им зарплата идет» (II, ж., 33).

С точки зрения отражения морали и права в индивидуальном сознании, женщины в большей степени склоняются к позиции «запрещенное законом аморально»: «...на самом деле, смотришь в окно или проезжаешь на машине, видишь много гуляющих с детьми, парочками гуляют, студенты вообще ходят кучками, толпами. Как-то у людей ответственности мало. Не хотят нести [ответственность]. Ощущение, что я сижу дома, со своей семьей, мои друзья сидят со своими семьями дома, а другие люди, значит, гуля-

ют. Это несправедливо» (II, ж., 34). Мужчины прямого запрета встречаться и покидать квартиру не увидели, следовательно, законом разрешено, а потому: «Да, с друзьями, мы тайно все равно встречаемся иногда, малыши кучками» (II, м., 37).

Единство мнений о необходимости соблюдать закон и мужчины, и женщины высказали в отношении вернувшихся из поездок из-за рубежа, маркируя территорию по линии свой – чужой: «Плохо отношусь к тем людям, которые приехали из-за границы, и думают: “О, можно пойти в магаз сходить, еще куда-то”. Свободный образ жизни ведут. Хотя им, по сути, нужно дома сидеть. Либо вообще, лучше в больницу лечь, полежать» (II, м., 28); «Есть люди приезжающие, которые приезжают. Ведь в начале цифры были очень маленькие. А те люди, которые приехали, они не восприняли это всерьез. Начали ходить, вести точно такой же образ жизни, что повлекло за собой то, что мы сейчас имеем. Но опять это еще не худшие данные, не худшая ситуация» (II, ж., 31).

Условия самоизоляции более сложными оказались для мужчин, а потому изыскивались разные способы «расширить» пространство: «Там [на стадионе] занимаюсь, потому что в квартире очень тяжело находиться постоянно, мне некомфортно» (II, м., 27); «На даче веселюсь с лопатой» (II, м., 28); «...В гараж я уезжаю, закрываюсь в гараже, перебираю болтики, винтики» (II, м., 37), «Многие люди стали ездить на работу» (II, м., 27). Женщины приняли ситуацию как неизбежность: «У нас однокомнатная квартира, максимум у меня траектория дойти до комнаты, до кухни, в уборную, в окно. Я уже девчонкам скидываю: “Я вот так гуляю в окно”. То дерево сфоткаешь. Мне нужно все равно драйв куда-то девать» (II, ж., 31)».

Мужчинам находиться в четырех стенах гораздо сложнее, а если нет возможности вырваться за пределы квартиры, то, по меткому выражению одного из участников, все дни становятся похожи на «день сурка» – каждый день одно и то же по замкнутому кругу: «Я просыпаюсь, кушаю, делаю какие-то дела по дому, может быть, уборку. Потом тренируюсь я каждый день. Далее что-то читаю, могу посмотреть какой-то фильм, который так

же нашел в Интернете. В основном вся активность с утра, и вечером я стал раньше ложиться спать. Вот, чего у меня не получалось раньше сделать – я стал ложиться спать намного раньше» (II, м., 27). И одно дело, когда уже просто накрывает скука, о которой откровенно высказалась пара участников, другое – когда все это постепенно перерастает в домашнее насилие, бытовые разборки и конфликты: «...у некоторых не позволяет жилплощадь постоянно находиться дома. Допустим, в одной комнате четыре человека будут находиться. Даже если это родственники, которые любят друг друга. Естественно, будут конфликты. У меня, например, соседи злоупотребляют алкоголем, они постоянно ругаются. Кто-то молчит-молчит, потом начинаются скандалы. Поэтому люди, кто может, куда-то пытаются уйти» (II, м., 27).

Женщины чаще, чем мужчины говорили о своих страхах, причем как осознаваемых, так и не очень: «Страшно пользоваться общественным транспортом, в магазин все равно приходится ходить за продуктами. Даже когда нет скоплений. Заходишь в магазин, и тебя окружает много людей, хочется быстрее уйти из этого места. ...Боюсь людей. Знаете, как в фильме ужасов, или такие ассоциации, что все вокруг заражены, и никто об этом не говорит» (II, ж., 34). Причем среди всех страхов усматривается и особая группа (признаемся, вполне ожидаемая) – это боязнь не столько за себя, сколько за детей, родителей, других близких людей: «У моей мамы должна была быть операция. И ее отложили на неопределенный срок. Поэтому сейчас, к сожалению, я думаю только об этом» (II, м., 27). Безысходность сложившейся ситуации: «Изменить я ее [ситуацию] не могу, я не могу в этом принять какое-то участие или что-то сделать» (II, ж., 31) – обнаруживается в появлении и такого страха, как потеря контроля над ситуацией, например, в воспитании ребенка: «Я с утра ухожу, мы вместе, я отвожу ее в школу. Я уехала, она в школе завтракала, она в школе обедала. После она приходила домой. Я на телефоне контролировала, но она забегала иногда к бабушке в садик, то есть она там могла покушать. Ребенок был под контролем. Сейчас я потеряла контроль полностью, я ничего не могу сделать» (II, ж., 33). Невозможность

вмешаться ситуацию, что-то исправить, бездеятельность угнетают большую часть участников фокус-групп. Все вокруг плохо, а у тебя нет возможности вмешаться, ты можешь только наблюдать со стороны и, в лучшем случае, не мешать. Но нет уверенности в том, что те, кто принимает решения, делают это грамотно, и страхи только нарастают.

Нетипичность ситуации проявилась и в том, что люди изменили свои практики просмотра телепередач и использования информации, размещенной в Интернете. Одна из защитных реакций, выработанных горожанами в условиях окружающих со всех сторон страхов и неопределенности, это массовый отказ от просмотра передач на телевидении, особенно новостных: «Я перестала вообще какие-то новости смотреть, потому что я вникаю, стараюсь, еще сильнее переживаю, надумываю. Даже не только текущее состояние, обстановка, а именно дальнейшее – что нас ждет, что может быть, а чего не может быть. Разные бывают [мысли]» (II, ж., 31); «Чем больше смотришь новости, тем больше страха. Выходишь в магазин, когда много людей вокруг, такое ощущение создается, что все заражены» (II, ж., 34); «Телевизор смотреть невозможно, везде одни и те же лица. Одни и те же настроения, что вирус везде» (II, м., 28).

Сказать, что все полностью отказались от просмотра телепередач, не представляется возможным. Телевизор по-прежнему смотрят, но выборочно и ограниченно: «Утром смотрю “Доброе утро” на Первом канале. Буквально, когда завтракаем, полчаса. А так в течение дня, вечером, может быть, канал “Пятница”. Какие-нибудь про путешествия передачи. Новости? Стараюсь волгоградские, то есть на канале “Россия” волгоградские» (II, ж., 34). Имеют свою небольшую аудиторию передачи «про здоровье»: «Бывает такая передача, как Малоземов – это на НТВ. Он ведет передачу про еду, живую и мертвую. Интересно смотреть, достаточно интересно рассказывает» (II, м., 37).

Следует заметить, что в целом изменилось и отношение к информации, предоставляемой Интернетом, оно стало более критическим: «...большой поток ненужной информации. Его приходится фильтровать. Напри-

мер рассылка в соцсетях различных истерик по поводу того, что надо срочно покупать продукты. Я в своей семье сразу сказал, что мы этой истерике поддаваться не будем ни в коем случае» (II, м., 37).

Но на что следует обратить особое внимание, так это на то обстоятельство, что в СМИ горожане отдают предпочтение информации, исходящей от лиц, которым они доверяют: «[Смотрю] передачи, в которых выступают достаточно знаменитые люди, которые действительно могут сказать объективные вещи... “Доктор Мясников”, нежели какой-то другой канал. Ему, допустим, я доверяю. Или министру здравоохранения нашему я тоже доверяю» (II, м., 37).

Наблюдение за участниками дискуссии позволило зафиксировать следующую тенденцию. По мере того, как разворачивалась дискуссия, причем в обеих группах и вне зависимости от пола и возраста, все чаще проявлялся свойственный отечественной ментальности фатализм: «Если где-то суждено, то оно будет суждено и дома. Пойдешь выкидывать мусор, за перила возьмешься, и все, судьба к тебе придет» (II, ж., 33); «Я сейчас пойду в магазин, и мало ли каким образом на меня кто-то чихнет, кашляет, и та же маска меня не спасет» (II, ж., 31). Причем респонденты убеждены, что угроза заразиться «поджидает» везде: дома, в подъезде, в транспорте, в собственном автомобиле, в магазине: «...Ты можешь сидеть дома месяц, но один раз выйти и заразиться. Поэтому – это лотерея» (II, м., 27).

Страх, объединивший и мужчин, и женщин – это безденежье, и он даже вытесняет боязнь заразиться коронавирусом и вынуждает жертвовать здоровьем. Мужчины больше подвержены этому страху, чем женщины: «Вот у меня есть друг Владимир, он работает дворником. И когда его лишили работы, его интересовал один лишь финансовый вопрос. Когда их вызвали на работу, он был счастлив. Сказал: “Саш, я лучше буду работать, чем сидеть дома без денег”. Наверное, скажу сейчас от всех своих знакомых, друзей, семьи: у меня нет ни одного человека, кто боится коронавируса. В том числе и я. Все боятся за будущее: за то, чем кормить детей, чем оплачивать счета ипотеки. А самого вируса, лич-

но из моего окружения, не боится ни один человек» (II, м., 27); «Сейчас, если бы не зарплата, я бы в жизни не работал, может быть. Если бы не деньги, я бы не пошел никуда работать никогда. Я бы ковырялся в гараже своем любимом, ходил бы в баню. Но на все это нужно деньги... К сожалению, людям приходится выходить на работу, потому что реально будет нечем кормить семью. И они будут реально вот так воровать из магазина» (II, м., 37).

Полагаем, что подобный страх вполне объясним. Волгоград – депрессивный город, уверенно занимающий последние строчки во всех возможных рейтингах [Волгоград... web; В рейтинге... web; Назван самый... web], ежедневно подтверждая это низким уровнем жизни горожан. Как показал ход дискуссии, волгоградцы, с точки зрения изменения уровня их дохода, могут оказаться в составе одной из следующих групп:

1. Первая группа – это те, у кого доход «полностью исчез» в связи с увольнением с работы и тем, что заработная плата – это был единственный источник дохода. Комментарии в этой части очень краткие: «...я остался без работы» (II, м., 27).

2. Вторая группа – это те, кто работу потерял, но сохранил иные источники дохода: «...работу, как многие, потерял. Основной заработок... Больше половины, наверно, процентов 70–80 точно. Сейчас остался небольшой ручеек целевого финансирования» (I, м., 45); «На данный момент я не работаю, меня сократили. То есть, прямо перед эпидемией, получается. Благо, у меня есть аренда, с которой я ежемесячно получаю деньги» (II, м., 28).

3. Третья группа – это те, кто работу сохранил, но заметно потерял в уровне своего дохода, оставшись на «голом окладе»: «У меня брат родной на заводе работает, где вот именно оклад и зарплата – это совершенно разное. Оклад – это половина от того, что он получал» (II, ж., 33).

4. Четвертая группа – это те, кто и прежний вид деятельности, и доход сохранили в полном объеме, заметим, что группа эта немногочисленная: «И работа, и зарплата – пока все в сохраненном режиме... Зарплату нам пока сохранили. А там, в дальнейшем, будем надеяться, что так и оставят» (II, м., 31).

5. Пятая группа – это те, кто сохранил прежнюю работу и доход, но при этом у них заметно возросла нагрузка «за те же деньги»: «Как президент наш пообещал, в этом месяце мы получили полную заработную плату, как и обещали. То есть здесь я осталась при своих. Не то что при своих интересах, а при том, что у меня было» (I, ж., 44); «...Работая в колледже, имея определенное расписание учебных занятий, мы все время были при детях. То есть 4 пары в день. Первая половина дня загруженность полная, общение между студентами, как-то мы к этому привыкли. А сейчас мы перешли на дистанционное обучение. То есть мы, как обычно, сидим возле компьютеров, с детьми не контактируем. И взаимодействуем с ними через интернет-сети. Если раньше я 4 пары отвела и была свободна, могла себя посвятить детям, своей личной жизни, то сейчас я $24/7$ сижу перед компьютером, жду указаний вышестоящих начальников [нагрузка заметно возросла]. ...Если раньше я до 4 часов свои пары отвела и была свободна, то сейчас я сижу перед компьютером, проверяю и в 8, и в 9, и в 10» (I, ж., 44).

В этой группе в большинстве своем представлены работники бюджетной сферы: учителя, преподаватели, врачи, которые по роду деятельности в настоящее время занимаются обычными больными, а не пациентами с коронавирусом. И как свидетельствует статистика, подавляющее число работников данной сферы – женщины.

Что касается структуры расходов, то она претерпела заметные изменения. Участники фокус-групп выделили следующие новые статьи, связанные с **увеличением** расходов, которых в обычной практике у них не было:

1. Расходы, связанные с необходимостью покупать медицинские аппараты, технику и препараты, поддерживающие иммунитет и защитные силы организма: «...открылась такая статья расходов, как мы начали покупать медицинскую технику, такую как кварцевая лампа, аппарат для измерения кислорода в крови, чтобы они у нас были, и мы следили за своим здоровьем» (I, ж., 42); «[Расходы увеличились] только на противовирусные препараты, которыми я могу поддерживать свой иммунитет, потому что я чаще всех выхожу на улицу, где люди. И чтобы дети поддерживали свой им-

мунитет. Ну, в принципе это у нас в семье было всегда, единственное, что мы пили противовирусные препараты два раза в год, осенью и весной, но вот так совпало, что сейчас мы их пьем каждый день» (I, ж., 45).

2. Расходы, связанные с увеличением потребления – вполне закономерно, что в условиях домашней самоизоляции увеличились расходы на продукты питания: «Продукты потребления увеличились, ибо все сидят дома, никто нигде не питается [на стороне – в школе, на работе], никто никуда не едет» (I, м., 43); «[Сэкономленные деньги] перекечевали в зону питания, потому что все находятся дома, готовить нужно много, съедается все быстро» (I, ж., 42).

3. Расходы, связанные с оплатой услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет. Понятно, что в условиях, когда вся семья дома и все сидит перед компьютерами, а удаленка становится частью привычного образа жизни, вполне ожидаемо увеличение расходов по данной статье, более того появляется необходимость перехода на высокоскоростной Интернет: «...ну, и еще мы перешли на высокоскоростной интернет, просто подороже платим за Интернет» (I, ж., 42).

4. Расходы, связанные с необходимостью оплаты платформ, на которых проходит дистанционное обучение школьников: «В принципе, сейчас я оплатила сыну полный курс на uchi.ru. На этой платформе нам делали скидку. Пришлось, потому что поставили перед фактом. Заплатили» (I, ж., 44).

Ситуация с оплатой бензина занимает промежуточное положение и является своеобразной точкой перехода от увеличившихся расходов к уменьшившимся. Участники фокус-групп оценивают такую ситуацию неоднозначно: у тех, кто остается дома, расходы сократились: «Однозначно стали меньше тратить на бензин, потому что не ездим на работу» (I, ж., 42); у тех, кто раньше активно пользовался общественным транспортом, но теперь вынужден из-за страха подцепить коронавирус пересесть в личный автомобиль, чтобы добираться до работы и чаще совершать поездки, расходы, соответственно, увеличились.

Статьи, связанные с **уменьшением** расходов или вообще вышедшие из употребле-

ния горожанами, связаны с невозможностью посещения публичных мест, которые в настоящее время просто закрыты:

1. Статья расходов, связанная с развлечениями ушла полностью: «Стали меньше тратить на развлечения, кинотеатры, детские комнаты, кафешки, Макдональдсы, рестораны» (I, ж., 42). «Сейчас, единственное, только уменьшилась расходная часть на какие-то развлечения. Произошла экономия из-за того, что они отсутствуют, эти расходы» (II, м., 37).

2. Статья расходов, связанная с оплатой различных студий, кружков, фитнеса, спортивных секций и т. д., заметно сократилась: «Оплачивали занятия за йогу, фитнес и т. д. и т. п.» (I, ж., 44); «Дети сейчас не ходят на секции, сейчас они не оплачиваются» (I, м., 42). Отдельные участники фокус-групп не скрывали своего удовлетворения по этому поводу: «Я явно в нереальной прибыли. Потому что у нас школа английского языка отложилась на месяц, я за нее плачу. ДЮЦы, куда мы ходим на танцы, на рисование закрылись, мы туда не платим. Отсюда у меня тысяч семь в месяц, честно, у меня большая экономия» (II, ж., 33).

Что касается расходов, то в поведении большинства участников фокус-групп проявилась **тенденция к экономии средств**, которой они раньше за собой не замечали. Такая практика спровоцирована в большей степени неопределенностью сложившейся ситуации – как будет развиваться, как долго она продлится, что изменится и т. д. Основная статья экономии там, где больше всего тратится – это продукты питания: «...развлечения у нас вообще выпали, даже в питании, чтоб купить детям что-то вкусное, мы взвешиваем это решение. [Затраты на] питание все меньше, как бы на более дешевый продукт, все сокращается. Перешли на более дешевые продукты» (I, м., 45); «...Экономия также в продуктах. Потому что, как говорили, мы можем взять три йогурта. Выпить два, один просрочился – выкинули. Сейчас мы не позволяем себе такого. Что есть – надо съесть. Съели, потом следующее. Это что касается доходов» (II, ж., 33).

На продуктах питания готовы экономить далеко не все: «Ну, последние три года и так живу в режиме жесткой экономии, потому что одна воспитываю детей, финансирую одна и

сейчас никогда не покупаю дешевые продукты. Почему не советую? На здоровье экономить нельзя, пусть это будет меньше, но выше по качеству. Я стараюсь покупать домашнее молоко, сметану, творог, мясо стараюсь покупать у одного производителя, в этом плане я никогда не ограничу, потому что продукты – это самое главное для здоровья» (I, ж., 45); «Как тратили раньше, так и тратим. Довольно-таки запасливо ходим в магазин. Покупаем все необходимое и про запас, чтобы там [в холодильнике] стояло» (II, ж., 34).

Можно сказать, что жители города, экономя на самом необходимом, демонстрируют **пассивные** методы выживания и поддержания привычного образа жизни в сложившейся ситуации. **Активные методы** – поиски альтернативных способов заработать – практически не предпринимаются. Как мы уже говорили выше, рынок труда в городе скудный, а потому и поиски работы – пустая трата времени: «Где сейчас брать какую-то подработку? Если сокращают даже в стабильные, в самые лучшие времена, все это сократили. А сейчас только хуже» (II, ж., 31); «Для меня, например, большой кошмарный сон – это выйти сейчас, вот завтра-послезавтра на рынок труда и поискать работу. Мне кажется, сейчас будет... Крайне депрессивная ситуация будет, просто-напросто» (II, м., 37).

Попытки заработать, конечно же, предпринимаются, но, как правило, они ограничиваются кругом знакомых и родственников: «У меня брат, который иногда берет меня с собой на работу. Но опять же, на постоянную основу я сейчас не могу выйти работать в данную сферу, поэтому да, ищем. Но сейчас очень сложно найти какое-то постоянное место работы» (II, м., 27). Но такое мнение – исключение, чаще наблюдается ожидание (даже среди тех, кто потерял работу), что все будет как и прежде: «Нет, в данный момент ничего не ищу. Пока нет. Может, чуть позже. Но надеюсь, что ситуация изменится кардинальным образом, улучшится, все придет в режим как раньше было» (I, м., 43). Даже в ситуации полной безысходности люди пытаются сохранить то, что есть, а не искать что-то новое: «Я единственный источник дохода в нашей семье. У нас трое обучающихся, то есть это 1, 6, 8-й классы. И вся первая поло-

вина дня посвящена тому, что мы учимся. Я вынуждена не работать. Я работала в школе раньше, сейчас уволилась со школы, ушла в такси. ...Остается очень мало времени на заработок. И сейчас очень упали поездки такси, зарабатываю очень мало... Даже была такая мысль просто пойти побираться. Потому что просто патовая ситуация для моей лично семьи» (I, ж., 45).

Самыми благополучными выглядят те, кто сумел сохранить работу (пусть даже с большей нагрузкой, чем была прежде, но она есть): «Самый большой позитив – благо, что я и жена остались на работе» (II, м., 37). Причем в большем выигрыше те, кто и до ситуации с коронавирусом уже был знаком с информационными технологиями в объеме, достаточном чтобы работать удаленно.

Выводы

Основываясь на данных представленного материала, можно заключить следующее:

1. В большинстве случаев складывающаяся ситуация оценивается горожанами как нестандартная и неопределенная, они не могут объяснить ее себе сами, исходя только из логики здравого смысла, отмечая противоречивость и непоследовательность принимаемых решений, отражающихся на их жизни и интересах.

2. При описании складывающейся ситуации все характеристики, которые дают респонденты, можно смело отнести к негативному спектру: от недоверия к власти через отказ от просмотра новостей до необходимости бороться с собственными страхами, среди которых самый большой – это безденежье.

3. Заметное уменьшение пространства (практически до размеров квартиры) с неизбежностью ведет к нарушению зоны комфорта и поиску вариантов, как вернуть себе утраченный комфорт; женщины, как правило, находят возможные варианты внутри помещения, мужчины же стремятся выйти за его границы.

4. Достаточно отчетливо проявилась одна из черт отечественного менталитета, а именно русский фатализм – уверенность в том, что обязательно произойдет то, что должно произойти. Это случится независимо от воли и же-

лания человека. Но, напомним, что оборотной стороной такой стратегии является осознание необходимости и, что более важно, умение приспособливаться, а не лезть на рожон.

5. Из расходов горожан в силу объективных обстоятельств ушли все затраты, связанные с посещением общественных мест (кинотеатры, спортивные залы и проч.), но добавились траты на приобретение медицинских приборов, противовирусных препаратов, а также оплату Интернета, в том числе и связанного с дистанционным обучением школьников.

6. Довольно явно проявилась тенденция экономии денежных средств, более рационального расходования семейного бюджета.

7. Горожане в подавляющем большинстве своем демонстрируют пассивные модели выживания, нацеленные на экономию. Активные модели не задействованы в силу отсутствия рабочих мест в городе.

Невозможно в рамках одной статьи представить все результаты, полученные в ходе исследования. Но полагаем, что приведенного выше материала вполне достаточно, чтобы обозначить сходства и различия в поведении мужчин и женщин, которые проявились в их репликах, высказанных в ходе фокус-групповой дискуссии. Мужчины более рациональны и немногословны в своих оценках как ситуации, так и связанных с ней страхов, женщины более эмоциональны и многословны. Очень может быть, что за этим многословием скрывается желание «выговорить» свои опасения, которых у женщин больше, чем у мужчин (рассказал другим – и уже не так страшно). Тогда получается, что проведение фокус-групп по «страшным» тематикам – это еще и групповая психотерапия, поддержание здоровья населения.

Представляя закономерности «пограничных практик», спровоцированных пандемией, можно достаточно уверенно говорить о том, что женщины более склонны к тому, что «все сомнительное запрещено», тогда как мужчины разделяют иное мнение – «многое спорное приемлемо». Но следует признать, что в суждениях и мужчин, и женщин больше сходства, чем различий, это лишний раз подчеркивает, что принадлежат они к единой социальной группе под названием «горожане». Важно, что в условиях самоизоляции горожа-

не (и мужчины, и женщины) приобрели новые навыки, которые планируют перенести и в жизнь «после коронавируса», среди которых: освоение информационных технологий; осознание ценности наличия свободного времени; понимание того, что усталость как физическая, так и психологическая, может быть компенсирована физкультурой в домашних условиях, планированием своей жизни хотя бы на день; понимание того, что замкнутое пространство можно «расширить», занимаясь любимым делом, общаясь с интересными людьми и занимаясь самообразованием и самосовершенствованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албакова, Погорова 2020 – Албакова З.А.-М., Погорова Р.И. Глобальный вызов COVID-19 и особенности проявления стрессоустойчивости современного человека // Высшее образование сегодня. 2020. № 9. С. 14–19.
- Анпилов, Сорочайкин – Анпилов С.М., Сорочайкин А.Н. Россия в постпандемийном мире // Основы экономики, управления и права. 2020. № 2 (21). С. 24–30.
- Асмолов и др. web – Асмолов А.Г., Иванников В.А., Магомед-Эминов М.Ш., Гусейнов А.А., Донцов А.И., Братусь Б.С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения [Человек. Т. 31, № 4. С. 7–40] // <https://istina.msu.ru/publications/article/321243180/>.
- Баранникова 2008 – Баранникова Н.В. Формирование правосознания у курсантов и слушателей юридических вузов системы МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4 (35). С. 6–9.
- Брызгалина web – Брызгалина Е.В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля [Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 41–56] // <https://chelovek.iphras.ru/article/view/4942>.
- Васильев 2001 – Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2001.
- Волгоград... web – Волгоград признан самым депрессивным городом России в 2019 году [Город героев] // <https://gg34.ru/news/society/30098-volgograd-priznan-samym-depressivnym-gorodom-rossii-v-2019-godu.html>.
- Волков, Курбатов 2020 – Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9 (42), № 2. С. 17–32.

- В рейтинге... web – В рейтинге самых депрессивных городов оказался Волгоград // <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-reytinge-samykh-depressivnykh-gorodov-okazalsya>.
- Гафиатулина, Касьянов, Самыгин 2020 – *Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 147–158.
- Громыко 2020 – *Громыко А.А.* Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 4–13.
- Дистанционное... web – Дистанционное обучение в экстремальных условиях // <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491>.
- Дудин, Лясников 2020 – *Дудин М.Н., Лясников Н.В.* Вероятные социальные и экономические последствия пандемии коронавируса COVID19 // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 2 (79). С. 60–71.
- Дулина, Ануфриева 2021 – *Дулина Н.В., Ануфриева Е.В.* Школа и дистанционное обучение: точки напряжения. Женский взгляд // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 марта 2021 г.). Минск: БГУ, 2021. С. 106–111.
- Дулина 2021 – *Дулина Н.В.* Социальное самочувствие жителей Волгограда: страхи и надежды в условиях пандемии (по итогам прикладного социологического исследования) // Современное общество: оценка состояния и перспективы развития: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2021. С. 14–17.
- Касьянов, Гафиатулина, Самыгин 2020 – *Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 51–63.
- Кирилина web – *Кирилина Т.Ю.* Сущность и структура морали [Ученые записки РГСУ. 2009. № 2] // <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-morali>.
- Коноплева, Калягин web – *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Формирование правосознания и личности юриста в вузе [Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 25–28] // <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravosoznaniya-i-lichnosti-yurista-v-vuze>.
- Кутафин (ред.) 2000 – *Кутафин О.Е. (ред.)*. Популярный юридический энциклопедический словарь. М.: Рипол-Классик, 2000.
- Магомед-Эминов web – *Магомед-Эминов М.Ш.* Психологические рекомендации о поведении и деятельности человека в экстремальной ситуации пандемии (COVID-19) // <https://www.msu.ru/info/virusprevention/docs/phyrecomend.pdf>.
- Макарова web – *Макарова А.П.* Социально-психологические особенности морального сознания представителей этноса Саха: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.
- Мораль web – Мораль [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике] // https://psychology_pedagogy.academic.ru/10223/Мораль.
- Назван самый – Назван самый депрессивный город России для путешествий // <https://lenta.ru/news/2020/01/28/depression/>.
- Ниязова 2020 – *Ниязова И.М.* Риски возникновения конфликтов вследствие пандемии коронавирусной инфекции в здравоохранении // Экономические науки. 2020. № 6 (187). С. 68–73.
- Островский, Иванова 2020 – *Островский Д.И., Иванова Т.И.* Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2 (24). С. 4–10.
- Право web – Право [Большой юридический словарь] // http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php.
- Раскина web – *Раскина Ю.* Поведенческие науки в борьбе с коронавирусом // <https://econs.online/articles/ekonomika/povedencheskie-nauki-v-borbe-s-koronavirusom/>.
- Распопова web – *Распопова С.* Карантинные письма о коронавирусе с помощью iPhone // <https://jrn1st.ru/karantinnye-pisma-o-koronaviruse-s-pomoshchyu-iphone>.
- Режим самоизоляции... web – Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений // <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij>.
- Сафонова 2009 – *Сафонова Т.В.* Исследование практики в социологии после Эмиля Дюркгейма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 1 (46). С. 15–31.
- Современное общество... 2021 – Современное общество: оценка состояния и перспективы развития: монограф. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2021.
- Сорокотягин, Маслеев 2016 – *Сорокотягин И.Н., Маслеев А.Г.* Профессиональная этика юриста. М.: Юрайт, 2016.
- Социология пандемии... 2021 – Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение, 2021.

- Шрейдер 1994 – Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М.: МИРОС, 1994.
- Шугальский web – Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия [Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2] // <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-interpretatsiya-ponyatiya>.
- Экспертный совет... web – Экспертный совет по психологии предлагает рекомендации по профилактике неблагоприятных психических состояний в период действия карантина // <https://pspu.ru/news/4040-aaa>.
- Эпштейн web – Эпштейн М. Кого спасать, если нельзя спасти всех? Экстремальная этика в условиях коронавируса [Новая газета] // <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh>.
- Явич 2010 – Явич Л.С. Право: сущность и принципы. М.: ГарантЪ, 2010.

REFERENCES

- Albakova Z.A.-M., Pogorova R.I., 2020. Global Challenge COVID-19 and Features of the Manifestation of Stress Tolerance of Modern Man. *Vyshee obrazovanie segodnya*, no. 9. pp. 14-19.
- Anpilov S.M., Sorochajkin A.N., 2020. Russia in the Postpandemic World. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*, no. 2 (21), pp. 24-30.
- Asmolov A.G., Ivannikov V.A., Magomed-Eminov M.Sh., Gumejnov A.A., Doncov A.I., Bratus' B.S. Kul'turno-deyatelnostnaya psikhologiya v ekstremal'noj situacii: vyzov pandemii. Materialy obsuzhdeniya. *Chelovek*, vol. 31, no. 4, pp. 7-40. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/321243180/>.
- Barannikova N.V., 2008. Formation of Legal Consciousness Among Cadets and Students of Law Schools of the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, no. 4 (35), pp. 6-9.
- Bryzgalina E.V., 2020. Bioethics of Pandemia: Mapping the Problem Area. *Chelovek*, vol. 31, no. 4, pp. 41-56. URL: <https://chelovek.iph.ras.ru/article/view/4942>.
- Vasiliev V.L., 2001. *Legal Psychology*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Volgograd Recognized As the Most Depressed City in Russia in 2019. *Gorod geroev*. URL: <https://gg34.ru/news/society/30098-volgograd-priznan-samym-depressivnym-gorodom-rossii-v-2019-godu.html>.
- Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., 2020. Global Sociology of the Pandemic: Domestic and Foreign Scenarios and Trends of the Post-Coronavirus World. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 17-32.
- In the Ranking of the Most Depressed Cities Was Volgograd*. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-reytinge-samykh-depressivnykh-gorodov-okazalsya>.
- Gafiatulina N.H., Kas'yanov V.V., Samygin S.I., 2020. Russian Society in Coronavirus Threat Conditions: Sociocultural Injury Risks. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 147-158.
- Gromyko A.A., 2020. Coronavirus As a Factor in World Politics. *Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 2, pp. 4-13.
- Distance Learning in Extreme Conditions*. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/>.
- Dudin M.N., Lyasnikov N.V., 2020. Likely Social and Economic Consequences of the COVID 19 Coronavirus Pandemic. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura*, no. 2 (79), pp. 60-71.
- Dulina N.V., Anufrieva E.V., 2021. School and Distance Learning: Stress Points. *Female Gaze. Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Rossii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 26 marta 2021 g.)*. Minsk, BGU, pp. 106-111.
- Dulina N.V., 2021. Social Well-Being of Residents of Volgograd: Fears and Hopes in a Pandemic (According to the Results of Applied Sociological Research). *Sovremennoe obshchestvo: ocenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya: monograf.* Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 14-17.
- Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I., 2020. Features and Problems of Social Behavior Under the Regime of Self-Isolation of the Russian Population. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 51-63.
- Kirilina T.U., 2009. The Essence and Structure of Morality. *Uchenye zapiski RSSU*, no. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-morali>.
- Konopleva I.N., Kalyegin U.S., 2010. Formation of Legal Consciousness and Personality of a Lawyer in the University. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, no. 3. pp. 25-28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravosoznaniya-i-lichnosti-yurista-v-vuze>.
- Kutafin O.E. (ed.), 2000. *Popular Legal Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Ripol-Classic Publ.
- Magomed-Eminov M.Sh. *Psychological Recommendations on Human Behavior and Activities in Pandemic Extremes (COVID-19)*. URL: <https://>

- www.msu.ru/info/virusprevention/docs/phyrecomend.pdf.
- Makarova, A.P., 2011. *Social and Psychological Characteristics of the Moral Consciousness of Representatives of the Sakha Ethnic Group. Cand. psychol. sci. abs. diss.* Saint Petersburg.
- Moral. *Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike*. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/10223/Мораль.
- Named the Most Depressed City in Russia for Travel*. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/28/depression/>.
- Niyazova I.M., 2020. Conflict Risks As a Result of the Coronavirus Infection Pandemic in Health. *Ekonomicheskie nauki*, no. 6 (187), pp. 68-73.
- Ostrovskij D.I., Ivanova T.I., 2020. Effect of New COVID-19 Coronavirus Infection on Human Mental Health (Literature Review). *Omskij psihiatricheskij zhurnal*, no. 2 (24), pp. 4-10.
- Law. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'*. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php.
- Raskina Yu. *Behavioral Sciences in the Fight Against Coronavirus*. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/povedencheskie-nauki-v-borbe-s-koronavirusom/>.
- Raspopova S. *Quarantine Letters About Coronavirus with iPhone*. URL: <https://jrn1st.ru/karantinnye-pisma-o-koronaviruse-s-pomoshchyu-iphone>.
- Self-Isolation Mode: Expectations, Motives, Assessment of the Imposed Restrictions. Joint Analytical Report of VCIOM and ANO "Special Opinion"*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-oczenka-vvedennykh-ogranichenij>.
- Safonova T.V., 2009. Research of Practice in Sociology After Emile Durkheim. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 12, no. 1 (46), pp. 15-31.
- Modern Society: Assessment of the State and Prospects of Development. Monograf*, 2021. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sorokotyagin I.N., Masleev A.G., 2016. *Professional Ethics of a Lawyer*. Moscow, Yurayt Publ.
- The Sociology of the Pandemic. Proekt koronaFOM 2021*. Moscow, Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie.
- Shreider Yu.A., 1994. *Lectures on Ethics*. Moscow, MIROS Publ.
- Shugalsky S.S., 2012. Social Practices: Interpretation of the Concept. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-interpretatsiya-ponyatiya>.
- Expert Council on Psychology Offers Recommendations for the Prevention of Adverse Mental Conditions During the Quarantine*. URL: <https://spsu.ru/news/4040-aaa>.
- Epshtejn M., 2020. Who to Save if You Can't Save Everyone? Extreme Ethics in Coronavirus Conditions. *Novaya gazeta*, no. 40. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh>.
- Yavich L.S., 2010. *Law: Essence and Principles*. Moscow, Garant Publ.

Information About the Authors

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Eugeniya V. Anufrieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>

Информация об авторах

Надежда Васильевна Дулина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Евгения Владимировна Ануфриева, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>